Плач по дочери

Как сегодным долгим го́дышком
Перед этой злой обидушкой
Унывало все ретливое сердечушко
У меня да у позяблой бедной матушки!
Говорила мне-ка белая лебедушка:
«Я не знаю же, родитель-мой мижённой день,
Што болят да крепко резвы мои ноженьки,
Што устали нонь девоцьи мои рученьки,
Изменился белой свет да со ясны́х оцей?
Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,
Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
Все болит да моя буйная головушка!
Ты будить придешь, родитель жалосливая,
Кое-как да на постеле я розмаюся,
Погляжу тут во косевчато окошечко:
Виют витрышки на ши́рокой на уличке,
Погодушка стоит во чисто́м поле!»
Я не знала, бедна мать горька-детиная,
Што разлукушка с сердечным буде дитятком!
Было совестно сказать да во добры́ люди,
Што грузна́, больна белая лебедушка!
Тут по моему великому бессчастьицу
Вдруг склонило ю тяжело неможеньице,
Сустигала злодий-скоряя смерётушка!
Я сидела тут по темным у ей ноченькам,
Провожала с ей Господни белы де́нечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку!
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих ру́ченьках;
Говорить да стала белая лебедушка:
«Не могу сидеть, родитель жалосливая,
Не глядят да ясны очушки на белой свет,
Я трудным да нонь, лебедушка, труднёшенька!»
Приносить стану тут ествушки сахарнии,

Стану подчивать сердечно свое дитятко:
«Цего хочешь, моя белая лебедушка?
По уму сложу те пи́тьица медвя́ныи!»
Говорить стане сердечно мило дитятко:
«Не спешись, моя родитель жалосливая,
Не ходи да ты во лавочки торговыи,
Не бери ты мне-ка сладкого яденьица,
Ты не трать, мое желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этых людушек,
Не труди меня при трудноей постелюшке;
Простит Господи в великом согрешеньице,
Може, даст Господь доброго здоровьица,
И наставит мне-ка долгого он векушку!»
Уже день за день как река течет;
Приходить стала разливня красна вёснушка,
Стало синее Онего разливатися,
Мое дитятко от нас да удалятися;
Быв как дождички уходят во сыру землю,
Как снежёчки быдто тают кругом-на́окол огней,
Вроде солнышко за облачка теряется,
Также дитятко от нас да укрывается!
Как светел месяц по утру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное безвестное живленьице!

Когда оденут:

Ой, долит меня детиная тоска неугасимая:
Нонь крутят мою косату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю во платьице!
Я пойду с горя во светлую светелочку,
Со обиды по ларцам я окованыим,
Я повыну ейно цветно это платьице,
Приложу да ей на белыи на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на бладу ей головушку;
По подвесточке розову ко́сыночку;
Я заглажу ейны русыи волосушки,

Уберу да я завивну ейну ко́сыньку
В дорогии золотыи эты ленточки;
По русой косы кладу цветы алыи;
Я накину тут соболью эту шубоньку
На девоцьи ей на белыи на плеченьки!
Полюбуйтесь-ко, род-племя любимое,
Покрасуитесь-ко, советны дружны по́дружки,
Со сторон глядя́ суседи спорядовыи!
Ой, тошным да мне, победной, тошнёшенько!
Не цветно́ ноньку басисто на ей платьице,
Не приляже к ей жемчужная подвесточка,
Ю не греет-то соболья ноньку шубонька!
Убирают мою белую лебедушку
Во эту нонь колоду белоду́бову;
Не жалею я, победная головушка,
Не этой пуховой я перинушки,
Не эта соболина одеяльица;
Устелите-тко перину хорошохонько,
Вы оденьте-тко лебедушку теплёшенько,
Отрядите мое ди́тятко любёшенько!
Распороли бы нонь грудь да мою белую,
Посмотрели бы во матерну утробушку,
Быв огнем мое сердечко разгоряется,
Как смола кипит в бессчастноей утробушке,
Ушибат столько злодийная обидушка!

К покойнице:

На полете лебедь белая!
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрёва моя теплая!
Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачён жемчуг по блюду рассыпалася!
У стола была любимая стряпе́юшка,
За ставом да дорогая была ткиюшка;
Из котурна досужа рукодельница,
Вышивала всяки разны полотенечки;
Столько зарилися многи добры людушки,
Все ласкалися удалы-добры молодцы;

Ведь наряжена, кажись, была покрутушка,
Ослобо́жена гостиная неделюшка.
Говорили вси советны милы по́дружки:
«Счастливая ты девушка, таланная,
Цветныим ты платьем изнавешена,
Тяжелой ты работой не огру́жена,
Бранным ты словечком не огру́блена;
Вопрягу́ тебе ступистая лошадушка —
Днем ездить по унылыим по свадебкам,
Ввечеру да по смиренныим беседушкам!»
Не нача́лась я, горюша, не надиялась!
Хоть повыстану по ранному я у́трышку,
Потиху́ приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Исусову молитовку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Я поглажу ю по бладой по головушке:
«Сыто идется дитя, да долго выспится».
Да ты спи же, моя белая лебедушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!
Знать, што ведало ретливое сердечушко,
Што недолго буде ейного живленьица:
Как сегодным долгим годышком
Было раннее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно мило дитятко
Ходить-издить по унылыим по свадебкам,
По летныим ходить да по игрищечкам,
По зимным, тихомерныим беседушкам,
Тосковало за девоцьим рукодельицем,
Быв в гостях да у породы именитой!
Не поспела бедна мать полюбоватися,
На дитятко свое да насмотри́тися,
Воспокинула ю белая лебедушка!
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чье нас покидаешь доброумьице?

К родственникам:

Спасет Бог вас, порода родовитая,
На вашем великом желаньице!
Вы любили налимну́ю мою ягодку,
Почитали мою белую лебедушку,
По́часту брали́ в любимое гостибище!
По этой студёной холодной зиме
Да вы по́шлете крылата ясна сокола,
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатныих.
Она гостьицей бывала двунедельной,
Почасту была беседницей воскресной;
Как приидет со любимого гостибища,
Всё хвалилося сердечно мое дитятко:
Было мистичко во светлой, скаже, светлице,
Мне почёт-то был, скаже, во большо́м углу!
Вы на улице голубоньку стретали,
Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаря́жены,
По устам ей были питьица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена!
Теперь все прошло-миновалося,
С родом-с племенем она поросcталася,
С отцем с матушкой распростилася,
Нонь далече от породы отшатилась!
Не прииде к вам белая лебедушка
На гостиную урёчную неделюшку!
Еще слушай же, порода именитая!
Попеняю вам, любимы милы сроднички!
Столько гневалось сердечно мое дитятко,
Как лежало при болезноей постелюшке:
Не пришли вы к ей, белоей лебедушке,
Засмотрить да вы при кру́том ю зголовьице!
Знать, боялись вы тяжела неможеньица,
Устрашились, видно, скорой вы смерётушки?
От суда Божия, род, да мы не денемся,
От смерётушки ведь нам да не убегать;
Знать што не́весто вам было невести́мо
Про ейно тяжело неможеньицо?
Памятила моя белая лебедушка,

Сожидала крепко милых она дяденек!
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Што трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она при скорой смерётушке!
Не посмили вы спацли́вы притти дяденьки
Подоброумить мою белую лебедушку!
Што вы по́долгу теперь снаряжаетесь,
Што вы по́тиху ко мне сподобляетесь?
Не досужна, знать, пора было-времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,
Што вам не было слободной поры-времечка
К нам притти о Владычном Божьем праздничке,
Ни о Светлом Христове Воскресеньице?
Чем розгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовыи полы да притоптала?
Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она ко́ней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьицо у вас да приносила?
Порозгневалась белая лебедушка
На вас она, спацливых своих дяденек,
Сожидаюца родима засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне, печальной головушке:
«Засмотрили б как спацли́вы меня дяденьки,
Принесли бы оны доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжела неможеньица,
От этого я складнего зголовьица!»
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дитятка
На вашей прогульной славной уличке,
Владычной Господень буде праздничек,

Там гульбищечко буде со прокладбищем
Гуляньице буде со весельицем!
Приберутся души-красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые,
Тайны милые советны дружны по́дружки,
Оны к вам во любимое гостибищо;
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки разны будут игры приставлять;
Тут воспомните сердечно мое дитятко
Вы при милых советных ейных по́дружках!
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные,
Взвеселяла вас спацливых ро́дных дяденек,
Спотешала всё сердечных ваших детушек!

При выносе:

Ты прощайся-ко, рожёно мое дитятко,
С добрым хоромным построеньицем,
Ты со новой, любимой своей горенкой,
Со этыма милыма подруженькам,
Со этыма удалыма ты молодцам!
Вы простите, жалосливы милы сродничкн,
Ты прости-прощай, порода родовитая!
Ко белому лицю прикладайтесь-ко,
Ко сахарним устам прилагайтесь-ко!
. . . . . .
Вы простите-тко, поля хлебородныи,
Вы роскосисты луга сенокосныи!
День ко вечеру последний коротается,
Красно солнышко ко западу двигается,
Всё за облачку ходячую теряется,
Мое дитё в путь-дорожку отправляется!
Вы идите-тко, попы-отцы духовныи,
Отомните Божьи церквы посвященные!

После отпевания:

Наглядитесь-ко, победны мои очушки,
Хоть во этой Божьей церкви посвященной,
Про запас вы на сердечно, мило дитятко,
Во умёршее во бело это личушко!
Все попы-отцы духовны сдивовались,
Пономарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаюца!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под праву руку бумагу кладавают,
На векóвое живленье отправляют!
. . . . . .
Спаси Господи попов-отцов духовных,
Што священные вы церкви отмыкали,
На престоле Божью книгу отворяли,
Не жалили вы свещи да воску ярого,
Вы подсвичники на церковь выносили,
Честно-именно лебедушку отпили!
. . . . . .
Как берут да мою белую лебедушку
Со этой дубовой со скамеечки
На правó плечо удалы добры мóлодцы,
По левó плечо советны дружны пóдружки;
Тут несут оны колоду белодýбову
Со этой Божьей церкви посвященной
На крещенскую на славну оны ýличку,
На эту на Микольску славну бýяву;
Опускают мою белую лебедушку
По этым оны браным полотенечкам
Во могилушку, мой свет, во сыру землю!
. . . . . .
Я прошу еще попов-отцов духовных:
«Вы глубоки погребá покадите-тко
Не жалийте демьяна да вы ладону!»
. . . . . .
Ты прости, моя белая лебедушка,
Во сем меня векý да веку будущем,
Ты во тяжком великом согрешеньице,
Буде слóвечком тебя да приогрýбила!

Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое дитятко,
Ка́к роздать куды любимая покрутушка.
Сотлиет нонь в ларцах цветно платьице,
Забусиют жемчуги нонь перебраныи!
Я кладу ейну жемчужную подвесточку
Во эту Божью церковь посвященную,
Ко этой Пресвятой да Богородице,
Я своей души кладу да на спа́сенье,
Я по дитятке на вечно поминание!
Вси шелковыи платочки заграничныи
Я роздам да по удалым добрым молодцам
Пусть-ко держат о Владычных Божьих праздничках,
Пусть-ко носят кругом шеи молодецькой!
Я вси алыи девоцьи ейны ленточки
По душам роздам по красныим по девушкам:
Пусть спасают оны белую лебедушку,
Взвеселяются на тихиих беседушках!
Роздарю да я колечка золочёныи
По милыим сердечным ейным по́дружкам:
Пускай носят-то на белых оны рученьках,
Поминают свою дру́жну разговорщичку!
Я подобрю всю породу родовитую,
Я полажу всех сердечных, милых сродничков,
Сарафаны я роздам им мелкоскладныи!
Вы придите, сироты да бесприютныи,
Вы, обидные вси дочери безотние!
Я дарю да вас по розовой косыночке,
Я за то дарю обидных вас головушек,
Што сиротки вы победны-бесприютныи,
Вам не́ от кого ждать себе покрутушки!
Я еще дарю вас, белыих лебедушек,
За ваше за великое желаньице,
Привитали вы к косатой моей ластушке,
Засмотрили во болезной ю постелюшке,
Взвеселяли во тяжелом неможеньице,
Проводили вы косату мою ластушку
До этой Божьей церкви посвященной;
Вы несли да ю на белых своих рученьках,

На своих несли вы бладыих головушках!
Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
Вы ходите-тко к победной мне скорёшенько,
Засмотрите-тко, позяблую, частёшенько,
Во обидушке меня разговоркте-тко;
Погляжу на вас, победная головушка,
На свою да как я белую лебедушку!

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.